

ЕЛЕНА ЗОЛОТАРЁВА

НЕВЕСТА ДЛЯ ВОЖДЕЙ,
ИЛИ
ОКОЛЬЦЕВАТЬ ЗЕМЛЯНКУ

Елена Золотарева

**Невеста для вождей, или
окольцевать землянку**

«Литнет»

2024

Золотарева Е.

Невеста для вождей, или окольцевать землянку / Е. Золотарева —
«Литнет», 2024

Решила показать свою гордость и ушла от мужа-изменщика. Он в отместку оставил меня без всего, и чтобы выжить, мне пришлось устраиваться лаборанткой на кафедру физики. В первый же день чокнутый профессор отправил меня в другой мир, чтобы я добыла топливо для телепортации. Но оказалось, что это билет в один конец: вернуться не получится, а за незаконное проникновение на чужую планету меня ждет тюрьма. — Ты расскажешь нам, как смогла попасть сюда, красавица. И мы обещаем подумать над тем, чтобы смягчить твоё наказание, — вождь смотрит так, что на моей коже появляется россыпь мурашек. — Твоя задача, чтобы мы поверили тебе, землянка, иначе... — от дыхания второго становится жарко. — Я не знаю... — сжимаюсь в комочек, от того, как тело реагирует на этих мужчин. — Тогда нам придется подвергнуть тебя пыткам, малышка. Иди-ка сюда, — тянет меня за руку, и я не успеваю опомниться, как его губы накрывают мои. — Мучительно-сладким и долгим пыткам, Ариату, — горячие ладони касаются моих бедер, и по телу растекается разряд. — Я правда ничего не знаю, — задыхаясь от поцелуя и внезапно нахлынувшего возбуждения, шепчу я. — Что ж, мы предупреждали. Одежда летит на пол, и впервые в жизни я рада тому, что мне нечего сказать. Пусть пытаются! Зато умру счастливая!

Содержание

1. Вы приняты!	5
2. Бага-бага	9
3. Язык любви	13
4. Арият	16
5. С чужого плеча	19
6. Кража	22
7. Чары	27
Конец ознакомительного фрагмента.	28

1. Вы приняты!

1. Вы приняты!

— Вы приняты, дорогая! — бросив короткий взгляд на мой диплом физика-ядерщика, профессор, встал с кресла. Стуча набойками по кафельному полу, подошел к старому фанерному шкафу, открыл скрипучую дверцу и нырнул внутрь.

— Когда я могу приступить?

— Сейчас, — донеслось из шкафа.

— Вот так сразу?

— Я же предупреждал, что работы много, так чего откладывать? — Он отряхнул застиранный халат, сдул с часов пыль и протянул их мне, — у меня есть для вас поручение. Нужно слетать кое-куда. Часов за сто, думаю, управитесь. Надевайте, надевайте. Считайте, что это ваш испытательный срок.

— Ааа... — на мой недоуменный возглас он нервно забрал часы и сам нацепил их мне на руку.

— Или вы передумали?

— Нет, но...

— Надо предупредить родных?

— У меня нет родных.

— Прекрасно. Эээм, точнее, сочувствую. Идемте, дорогая, — подталкивает меня к старой алюминиевой ширме.

— И паспорта тоже пока нет.

— Он вам не понадобится. Проходите.

— Куда?

— Сюда, прошу вас.

Сама не понимаю, как оказываюсь на круглой платформе, окруженной черными зеркалами. Фотографию мою что ли он сделать собрался? Ну мало ли, для личного дела нужно.

— Стойте, не двигайтесь! — командует старик и с усилием дергает рубильник вниз.

Подо мной тут же начинается вибрация, а ветер от пришедших в движение зеркал, поднимает волосы.

— Держите, — всучает мне огромный, с меня ростом, рюкзак, еще какую-то котомку и пластиковую бутылку с водой.

— Это зачем? — хлопаю глазами, совершенно не понимая, что со всем этим делать. Я в лабораторию к профессору физики на работу устраивалась, а не вот это все!

— Вы же заполняли анкету! Туризм – одно из ваших увлечений.

— Да, но...

— Вам нужна работа? — сводит лохматые белые брови.

Согласно вздыхаю. Деваться мне некуда. Как говорил мой бывший муж, никому я не нужна, ни со своим дипломом, ни с пирогами.

— А билеты?

— Вот ваши билеты, — достает из кармана пузырек с обмотанной вокруг него веревкой и продевает через голову. — Не снимать! На вершине горы найдете родник с голубой водой, наберите как можно больше. И можете возвращаться. Каждые сто часов портал открывается ровно на десять секунд. Находитесь неподалеку.

— Что? Портал?

Ветер становится сильнее, а от вибрации немеют ноги.

— Да. Счастливо! Ох, совсем забыл. Держите!

Сует мне под мышку какую-то штуковину, похожую на бластер из фантастических фильмов.

— Не тратьте заряд напрасно. Количество энергии ограничено. Все. С богом!

Профессор захлопывает капсулу, пол подо мной проваливается, и меня засасывает в черную длинную трубу.

— Стойте! Нет! Аaaa!

Перед глазами кружат миллиарды разноцветных точек, в ушах низкий гул, тело будто распадается на клеточки, и меня уносит в разные уголки космоса. Не успеваю испугаться, как труба выплевывает меня на что-то мягкое и горячее, и я снова чувствую свое тело единым целым.

— Ну привет, еще одна охотница за легкими деньгами, — проморгавшись, замечаю, нависшую надо мной девушку.

Ее волосы спутаны, губы шелушатся, а одета она в лохмотья. Голова заслоняет яркое солнце, и выгоревшие волосы смотрятся облаком на фоне ярко-синего неба. Верчу головой

и не верю своим глазам. Кругом гигантские пальмы, а вдалеке горная гряда. Попу обжигает горячий песок серо-розового цвета, а из-за спины доносится шум прибоя.

Мама дорогая! Я упала и ударилась головой? Или забыла проснуться? Так быстро до тропических островов я не долетала даже с бывшим мужем на джете.

— Официальное оформление, больничные, сверхурочные, возможность путешествовать и войти в историю? — буднично перечисляет она...

С опаской смотрю на девушку, которая только что процитировала объявление о приеме на работу к профессору, на которое я откликнулась.

— Добро пожаловать! — саркастично растягивает обветренные губы.

Поднимаюсь на локтях, осматривая песок с высушенными панцирями каких-то гадов. Добром тут и не пахнет...еще и голова гудит, как с похмелья.

— Пожрать есть чего? — на коленях она подползает ближе. — В мешке должно быть. Он мне такой же давал, — девушка кивком головы указывает на горку консервных банок и тянется за мешком.

Пока она роется в вещах и снаряжении, выданном заботливым профессором, еще раз осматриваюсь. Нет, это точно не сон. Мне такие цветные не снятся. А что тогда? Телепортация? Как такое возможно?

«А не надо было прогуливать пары в универе», — в голове звучит поучительный тон отца.

Пока прихожу в себя, девица уже заканчивает вторую банку рыбных консервов и приступает к сухарям. Смотрю на то, как исчезают мои запасы, и инстинкт самосохранения включается молниеносно. Выхватываю свой мешок и прячу его за спину. От голодной смерти я погибать не нанималась!

На мой жест девушка отвечает злобной ухмылкой.

— Вообще-то нам лучше дружить.

— Ты кто такая вообще? — пячусь на попе от нее, и песок больно царапает кожу.

— Маша. Одна из тех, кого угораздило устроиться лаборантом к профессору, — она отряхивает пальцы от налипших масляных крошек.

— И много нас тут?

— Еще вчера было четверо. К утру я одна осталась. Ну и теперь ты вот.

— Остальные домой вернулись? — с надеждой смотрю на обгоревшее под солнцем лицо.

— Ага, домой. Щас! На небеса! — цокает Маша, отворачиваясь в сторону роши.

— В смысле?

— Короче. Слушай меня, как тебя?

— Арина.

— Арина. Этот чумной дед отправил нас сюда, чтобы мы добыли голубую воду из родника на вершине вон той горы.

— И?

— А там бага-бага. Прикинь?

— К-кто?

— Народ местный. Пигмеи. Страшные такие, кожа черная, рот огромный с зубищами и волосы до самой земли сосульками висят.

— А договориться с ними никак? Консервы им дать, ножичек там, спички?

— Ну ты простая! На хрена им твои консервы? Им наших еще на пару месяцев хватит. Там ребята упитанные были, килограмм по сто.

Тошнота подкатывает к горлу, но погрузиться в истерику Маша не дает, вываливая на меня кучу новой информации.

— В общем, без воды портал не открывается, а чтобы воду добыть, надо через их деревню бежать.

— И что делать?

— Ждать заката. Я пока тут торчу, видела, что эти мелкие на солнце закатное молятся. Можно незаметно проскочить. Я думаю.

— Ты уверена? — смотрю на солнечный диск, что вот-вот скроется за горой.

— Уверена-не уверена, а выхода у нас нет. Туда прорвемся во время молитвы, а назад придется бластером отстреливаться.

— Подожди! Ты серьезно? — до сих пор не верю в услышанное, но многочисленные вопли аборигенов вдалеке, убеждают в реальности происходящего.

— Серьезней некуда. Готовься. Через полчаса выдвигаемся.

Как через полчаса? Я не готова! Помогите!

2. Бага-бага

Бросаем вещи на берегу и выдвигаемся в сторону роши, которая все больше напоминает дремучий лес.

— Бластер давай мне! — умничает Маша и тянет ручонки к моему оружию.

— У тебя свой есть! — прячу его за спину, думая о том, что нельзя эту Машу упускать из виду. Уж больно ушлая. Грохнет по темечку, и мне конец.

— На моем заряда осталось на пару выстрелов. Зато уже умею обращаться с ним. А ты зря потратишь энергию.

— Не потрачу! — затыкаю оружие за пояс, — я в детстве в тир часто ходила.

— Ну-ну...

Не обращаю внимания на ее ворчание, иду следом. Под ногами постоянно что-то противно хрустит и перекачивается, и кажется, что мои нервы натянуты как гитарные струны, и скоро из всех щелей мелодия польется. И хорошо, если только мелодия.

Постепенно роща редет, и сквозь стволы кривых пальм начинают виднеться очертания крошечных хижин. Я туда если и войду, то только на четвереньках. И чего эту мелочь бояться? Ну что они могут сделать? Еще и отстреливаться от них? Тьфу!

— Ушли, — шепчет Маша, давая знак пригнуться.

Стоит присесть, как в мой зад утыкается что-то мокрое и холодное, и я, не выдержав, напряжения, подскакиваю и издаю такой визг, что сама себя пугаюсь.

— Дура! Заткнись! — Машка бросается на меня, закрывая рот ладонью.

Бешено вожу глазами, сердце вот-вот из горла выскочит, а попа чувствует, что тишина, зависшая в воздухе, не сулит ничего хорошего. Так и выходит.

В ту же секунду над моей макушкой пролетает копьё и вонзается в дерево. М-да...кажется, я недооценила народец.

Пока смотрю на подрагивающий кончик палки, Машка подпрыгивает и бежит назад. Я за ней, и уже все равно, чьи скелеты хрустят у меня под ногами. Лишь бы самой тут не лечь.

Улюлюкание кучки пигмеев слышится так громко, будто они наступают нам на пятки. А когда вижу, как в Машкину спину вонзается длинная иголка, в горле пересыхает. Нас догнали.

Девушка беззвучно валится на землю, и я понимаю, что все намного серьезнее, чем я представляла. Сразу вспоминаются ее слова о тех, кого эти малявки уже успели сожрать, и идея воспользоваться оружием не кажется глупой.

Двумя прыжками добираюсь до широкого дерева, уверенная, что оно прикроет от стайки аборигенов, хватаю бластер и, как в самых крутых боевиках, держа оружие наготове, высываюсь, чтобы выстрелить.

В ту же секунду в мою шею прилетает иголка, и по телу растекается болезненный огонь. Ноги подкашиваются, бластер выпадает из немеющих рук, и я шлепаюсь на спину.

Я не чувствую тела, звуки сливаются в страшную трубную мелодию, и только глаза могут видеть, что происходит.

Группа из десяти чернокожих волосатых человечков, абсолютно голых, за исключением юбок из человеческих костей, окружает нас, держа наготове острозаточенные колья. Их крупные зубы сияют белизной в сумраке рощи, а лица расписаны разноцветными красками.

Сердце припадно колотится, побуждая тело сражаться, или хотя бы убежать, но мышцы обмякли. Я не могу пошевелить даже пальцем, онемело все.

Пока наблюдаю за тем, как Машку за ноги и руки подвешивают на шест, не замечаю, что со мной проделывают то же самое.

— Ммм! Ммм! — хочу поговорить с этими людишками, но язык заплетается. Что же они мне вкололи, гады мелкие? Неужели парализующий яд?

— Хо-йя! — хором крикнули они, водрузили шесты на свои плечи и, присвистывая, потащили нас в свою деревню.

Пока идем, моя спина начинает гореть от царапающих ее камней, и я понимаю, что чувствительность возвращается. Поворачиваюсь к Машке, и та буравит меня злым взглядом.

— Из-за тебя все!

Смотрю на ее покачивающееся в такт шагов пигмеев тело, отмечая, что их роста едва хватает, чтобы не волочить нас по земле.

Глаза покрывает мутной пеленой слез. Они же и правда нас сожрут! И никакой волшебник в голубом вертолете не прилетит... Ну за что-о-о-о?

Скоро оказываемся на каменной площади среди руин храма, и живодеры, несущие нас с Машкой, поднимаются по уцелевшим ступеням. Добравшись на вершину, опускают нас так, что мы оказываемся висящими над какой-то глубокой ямой.

— Маш, прости! Я не хотела! — поскуливаю, глядя на то, как под нами складывают хворост.

— Они нас как барашков на вертеле зажарят! Ты виновата! Ты! — ревет она, когда самый щуплый подносит огниво к сухим деревяшкам.

Я зажмуриваюсь.

И чего не жилось мне с мужем? Ну завел семью на стороне, ну и бог с ним. Все ж лучше, чем стать ужином у каких-то людоедов. Зато живая была бы. Дернул меня черт на работу эту устроиться. Тратила бы Лешкины миллионы, жила бы припеваючи...

Представляю, как муж, вернувшийся от чужой женщины, тянется ко мне с поцелуем, и чувствую омерзение вперемешку с тошнотой. Нет. Не смогла бы я с ним, и плевала я на его деньги. Я же всегда такая честная была, правильная...Только вот сюда за какие грехи попала?

Проглотив обиду на несправедливость жизни, я открыла глаза и решила насладиться последними минутами жизни, смотря в небо. Но вместо звезд на сумеречном небе увидела то, что в очередной раз за вечер заставило задуматься над тем, не сошла ли я с ума.

Над нами зависла огромная многоярусная летающая тарелка, из днища которой валил белый дым.

— А это еще что за хрень? — выругалась Машка, не сводя глаз с неба.

— Волшебник в голубом вертолете! Спаси нас прилетел! — истерически смеюсь, глубоко внутри понимая, что крыша моя все-таки поехала.

— Совсем больная! — цокает моя подруга по несчастью, а мне даже интересно становится. Чем еще судьба меня решила удивить напоследок?

Эти «волшебники», кажется, изумили не только нас, но и людоедов, что при виде железного монстра в небе побросали свои дела.

Яркий луч света вырвался из центра тарелки, и пигмеи с благоговейным стоном как один упали ниц. А мы так и продолжали болтаться над ямой, подвешенные к шестам за руки и ноги.

Пока черный дымок от разгорающегося костра щекотал наши задницы, от тарелки отделилась крошечная капсула и стала медленно спускаться вниз. Я даже немного взбесилась! Эта штукавина пока приземлится, я поджариться успею и так и не узнаю, кто же был внутри. Ну а что, перед смертью хоть какое-то развлечение!

Будто прочитав мои мысли, «волшебник» ускорился, и через несколько секунд его переливающаяся огнями летающая коробка уже стояла в центре пигмейской деревушки.

Я выворачивалась, как могла, но так и не увидела, кто же оттуда вышел. Запястья и лодыжки пекло от тугих веревок, задницу начинал лизать поднимающийся огонь, а я выкручивала голову до судорог в шее.

— Мать моя женщина! — глаза Машки распахнулись, и лицо стало блаженно-идиотским.

— Тебе видно?

Машка висела ближе и вполне могла наблюдать за происходящим, в отличие от меня.

— Так умереть я согласна...

— Да что там? — дернулась я, чтобы передвинуться вместе с шестом чуть ближе, но шест хрустнул, прогибаясь под моим весом,— стой-стой-стой! — Аaaa! — и я полетела вниз, прямо в объятья огня.

Приземление было резким, но мягким. Кожу согревало, лица касалось теплое дуновение, но это было совсем не пламя костра.

Делая осторожный вдох, я замерла. Тягучий, будоражащий аромат мужского тела, который я чувствовала, совершенно не вписывался в картину происходящего со мной ужаса. Мне было страшно открывать зажмуренные глаза. А вдруг я окажусь в объятьях людоеда, и вся моя надежда на спасение сломается как та самая палка? Но в ту же минуту в моей голове появилась четкая информация, что опасности больше нет. Меня никто не собирается есть, и за свою жизнь теперь можно не опасаться. Во всяком случае пока.

Медленно, с опаской разлепив один глаз, я наткнулась на два бездонных озера. Взгляд, который отпечатался бы в моей памяти даже после смерти.

Я медленно поднесла связанные руки к щеке своего спасителя и провела кончиками дрожащих пальцев по гладкой смуглой коже. Мягкая борода приятно щекотала мою руку, и мужчина не мешал мне, будто давая изучить себя.

— Невероятно! — выдохнула я, не в силах совладать с эмоциями, и хлопнулась в обморок.

3. Язык любви

— На том свете выпишься!

Прихожу в себя от того, что мое тело бесцеремонно трясут, и мутным взглядом различаю мою недавнюю знакомую.

— Маша? — разочарованно вздыхаю. А я-то надеялась, что весь этот кошмар – всего лишь сон.

— Маша, Маша, — ерничает она, — а ты кого хотела видеть? Боженьку с дьяволом, дерущихся за твою душонку?

Бросаю косой взгляд на девушку и решаю ничего не отвечать на ее глупую шутку.

В полутьме рассматриваю руки с темными пятнами на запястьях, шевелю ногами, и замечаю, что лежу на чем-то упругом.

Пытаясь заглушить боль в суставах, приподнимаюсь и вижу под собой матрас, формой напоминающий доску для серфинга. Вокруг идеально гладкие каменные стены, высокие, метров пять, потолки, ряды колонн, исчезающие в темноте. Кажется, мы внутри храма, руины которого я уже видела, когда нас несли на костер.

— Нас не съели?

— Не съели. И пока не трахнули. Что еще обиднее!

Сидя на полу по-турецки, она наклоняется вперед, выглядывая из-за сломанной стены.

— Ты только глянь, какие самцы! Боже! Я за ночь с такими и умереть согласна.

Вспоминаю нереально голубые глаза своего спасителя, и сердце ухает вниз. Наверное, если бы не данные обстоятельства, я бы тоже рассмотрела его в качестве своего мужчины. Стоп! Она сказала «с такими»?

Высовываюсь вслед за ней, и челюсть падает вниз. В самом центре площади у круглого очага спиной к нам стоят двое мужчин. Того, что спас меня, узнаю сразу. Его волнистые темные волосы, небрежно собранные в хвост, густая щетина, мех, наброшенный на плечи – я все это помню, как и аромат его тела. Даже сейчас кажется, что я вдыхаю этот будоражащий кровь запах.

Второй так же стоит спиной, но этого достаточно, чтобы оценить его силу и стать. Он лениво ворошит угли длинной палкой, и спокойные, уверенные движения добавляют ему очков. Хочется часами смотреть на них и млеть от тихого счастья. На Земле таких мужчин я видела лишь в кино. Но самое странное, что выглядят они как древние воины с топорами, хоть и прибыли сюда на летающей штуковине. Интересная ветвь цивилизации: дикость и высокие технологии.

Прочищаю пересохшее горло и возвращаюсь на место.

— То есть, нас спасли? — решаю уточнить. Все-таки, Машка в обморок не падала, знает побольше меня.

— Вроде того.

— А может, еще и домой отправят? — в желудке оживает бабочка надежды вернуться в свою привычную жизнь и надрать задницу профессору.

— Может и отправят. Но есть одна проблемка. Они наш язык не понимают.

— А жесты?

— Слушай, иди поговори с ними жестами, раз такая умная.

— Я боюсь.

— А я только языком любви умею. После секса мужчины волшебным образом понимают девушек без слов.

Ее очередной намек на то, что она непрочь развлечься с этими незнакомцами, вызывает странные ощущения в груди. Будто холодная змея клубком свернулась и лежит.

— Ой! Сюда идут! — вздрогнула Машка, и бросилась поправлять волосы.

Я же вжалась в стену, мечтая слиться с ней. Какими бы прекрасными они ни были, эти мужчины могут быть опасны. И, как Машка, я не готова броситься в пучину безумства. Хотя, дрожать от страха, наверное, тоже неправильно.

Их приближение я почувствовала кожей. Даже волосы на загривке встали. А когда на пороге возникли два силуэта, мне показалось, что сердце остановилось.

Мужчины были огромны. Наверное, если стать рядом, я едва им до подмышки достану. Мощь их тела было не скрыть даже одеждой. Теперь ясно, почему пигмеи их так испугались. Их же щелчком пальца на тот свет отправят. Но видеть в этих двоих лишь героев, было бы слишком самонадеянно.

— Приве-е-ет! — расплылась в улыбке моя напарница и, схватив прядь волос, стала игриво наматывать ее на палец. Этот ее жест так взбесил меня, что захотелось дать ей подзатыльник. Ну зачем провоцировать незнакомых мужиков?

Они смирili ее безразличным взглядом и одновременно посмотрели на меня.

Пряча глаза, я вжалась в стену до дрожи в мышцах, но необычное состояние внутри головы переключило меня с состояния страха на недоумение и в некотором роде разочарование. Я даже на секунду подумала, что смогла прочесть мысли этих мужчин, но ведь это невозможно!

— Я Ма-ша! — громко, по слогам представилась она, приложив руку к груди.

Когда мужчины снова переключили внимание, мне мгновенно стало легче.

Она несла какую-то чушь, смысл которой не понимала даже я, и в какой-то момент мне показалось, что эти двое уже жалеют о нашем спасении.

Она касалась их рук, извивалась, точно червяк, улыбалась во весь рот, но ожидаемой реакции так и не последовало. Я видела в глазах мужчин презрение и жалось, и сама сгорала от стыда. А когда Машка пустилась в слезы и попыталась повиснуть на шее моего спасителя, тот резко отстранил ее, и головой указал на выход.

Наверное, в этот момент я испугалась больше чем она, потому что эта ненормальная продолжила свое шоу уже снаружи. И ее, кажется, совсем не волновало то, зачем следом за ней вышел один из мужчин. Господи, а вдруг он ее убьет?!

Мы же с моим спасителем остались наедине.

В ушах зазвенело, язык прилип к небу, и я застыла, боясь пошевелиться. Будто одно мое движение могло спровоцировать этого человека. Зато его суровое лицо вмиг переменилось, и я заметила легкую улыбку. Добрую, дружелюбную, успокаивающую.

Он сделал пару шагов в мою сторону и присел на корточки рядом с лежанкой. Даже в таком положении он был выше и теперь пугал шириной своих плеч и рук.

Его голубые глаза игриво сияли в темноте, вызывая ответную улыбку, и я просто сходила с ума от непонятных реакций своего тела на этого человека.

Он дал мне свою раскрытую ладонь, и я нерешительно поднесла свою руку к его. Грязная, с обломанными ногтями, она все равно смотрелась мило и по-детски на фоне его широкой ладони.

Недовольный рык вырвался из его груди, заставляя меня вздрогнуть, но мужчина поймал мои запястья быстрее и нежно сомкнул на них пальцы. Только сейчас я поняла, что он не на меня злился, а на то, что мои руки обезображены.

Сдернув с шеи один из амулетов, он зубами раскусил его на двое, выплюнул часть в сторону, а из крошечной амфоры вытряс пару капель ярко-зеленого зелья прямо на мои синяки. Жидкость светилась и испарялась легким паром, унося с собой боль. А я заворуженно наблюдала за этим чудом, не веря своим глазам.

— Спасибо! — сказала мужчине, уверенная в том, что он меня поймет.

И тот кивнул, поднялся в полный рост, но руку мою не отпустил. Мягко потянул на себя и улыбнулся. Тело послушно поддалось на просьбу великана, и скоро мы уже подходили к костру в центре пигмейской деревушки, где нас ждал второй. Вот только Машки там не было.

4. Арият

Замедляю шаг и осматриваюсь. Где же Маша? Довыдывалась идиотка. Помалкивала б себе в тряпочку, целее была. Но нет, надо было ей мужика этого провоцировать. Он пусть и красавчик, но что у него на уме, одному богу известно. Может нас спасли вовсе не из благородных целей. Машка! Зараза! Ну где ты? Что с тобой сделали, Маш? Зачем ты меня одну оставила? С тобой не так страшно было!

Когда чувствую на себе взгляд, спотыкаюсь, но вовремя спохватываюсь. Голубоглазый задерживает руку в сантиметре от моей талии, но видя, что я в порядке, отступает. Выдыхаю напряжение и иду дальше, но нутром чувствую, ему что-то не нравится. Вернее, мне кажется, ему не нравится мой страх. Но было бы глупо довериться незнакомому мужчине так быстро. И он, должен это понимать. Значит, мое предположение неверно. Недоволен он по другой причине.

Вокруг костра черный человечек расставляет низкие тюки травы и, не разгибаясь, убегает, чтобы снова упасть своей пугающей мордой в пол. Мне предлагают сесть, и я послушно опускаюсь.

Перебросившись короткими фразами между собой, мужчины подходят ко мне, закрывая собой огонь, ногой подталкивают тюки и садятся лицом ко мне.

Голубоглазый долго собирается с мыслью, а после снимает еще одну веревочку с шеи и протягивает мне.

— Мне? — зачем-то говорю я, ведь они все равно не понимают. Но мужчина кивает и отдает веревку с черным неровным камнем.

И как это понимать? А что, если я должна ему останусь? Лучше подарю свой кулон, чтобы потом претензий не было. А то мало ли...

Тянусь к тонкой цепочке, висящей на шее, но спаситель перехватывает запястья, чтобы я не снимала ее. улыбка на его красивом мужественном лице сообщает, что мой жест ему понравился. Надеюсь.

— Аш-шур, — говорит он мягким бархатным голосом, показывая на себя.

— Эрир-шур, — поворачиваюсь на голос второго и впервые вижу его улыбку. А он не такой суровый, как показался на первый взгляд.

Мужчина снимает свою подвеску и подает ее на раскрытой ладони.

Принимаю еще один подарок и тут же надеваю на себя. Надо как-то занять дрожащие руки. Все тело вибрирует, когда они так смотрят.

— Арина, — мой голос похож на скрип, но мужчин, кажется, это ничуть не отталкивает.

— Арият, — будто исправляет меня второй, и голубоглазый ему подыгрывает.

— Я? Арияту? — снова показываю на себя, и те согласно улыбаются. Что ж, Арияту, значит Арияту. Надеюсь, это местное имя, а не какое-нибудь обидное прозвище.

И на этой прекрасной ноте, пока все в приподнятом настроении, я решаюсь спросить о своей подруге.

— Маша? — смотрю в глаза то одному, то другому, и по изменившемуся выражению лиц понимаю, что они снова недовольны.

Второй издает короткий мелодичный свист, и через пару мгновений, из-за хижин выходит пара пигмеев, а за ними Машка. Перепачканные кровью ноги, опухшее от слез лицо, а в руках она держит кровавое месиво, будто ее живот вспороли. Внутри все замирает и становится мертвецки холодно.

— Маша! — вскакиваю с места, но побежать ей навстречу не получается. С двух сторон незнакомцы, а впереди костер.

Девушка едва переступает, ее трясет, она кусает губы, чтобы не взвыть.

Эти несколько секунд тянутся мучительно долго. У меня даже в ушах закладывает от ужаса, но стоит ей приблизиться, как я вижу, что прижимает к себе не собственные внутренности, а ощипанную птицу с болтающейся на длинной шее головой.

Держась за сердце, вздыхаю, и валюсь на сидение. Чего только со страху не привидится. Но она тоже молодец. Чего реветь-то?

— Держи свою курицу! Подавись! — швыряет в кареглазого безжизненную тушку, и тот с усмешкой перехватывает ее.

Мужчины тут же отвлекаются на приготовление еды, и Маша плюхается рядом. На перепачканном лице столько страдания и ненависти, а я так рада ей, что бросаюсь обниматься.

— Я уже думала, что тебя убили. Или изнасиловали... — приглаживаю ее распушенные волосы и пытаюсь вытереть следы птичьей крови с ее щеки.

— Ага, если бы. Потрошить эту дрянь заставил, прикинь! Я с детства птиц боюсь, тем более дохлых. А еще и эти мелкие над душой стоят, челюстями своими клацают.

— Главное, что живая, Машка! — еще крепче сжимаю ее в объятьях, но она только носом шмыгает.

Несколько минут сидим молча, наблюдая за тем, как мужчины начинают птицу принесенными пигмеями травами. Страх постепенно отступает и я даже успеваю расслабиться, предвкушая вкусный ужин.

— Вот сейчас они еще сильнее подobreют, и мы попросим их проводить нас к источнику, а там и домой вернуться сможем! — толкаю плечом приунывшую подружку.

— Ты и правда дура, или прикидываешься? — скалится она, — нельзя, чтобы они узнали, зачем мы здесь.

— Думаешь, они сами не поняли?

— Так хотя бы притворимся, мол ничего не знаем, попали случайно. А, если попремся к источнику, то все. Хана. Ты ведь уже успела познакомиться с местным гостеприимством...

Прикусываю язык, понимая, что Машка права. Выдавать себя нельзя. Но домой-то возвращаться как-то надо?

— Арият! — вздрагиваю от того, что на мои плечи ложатся крупные ладони, и пальцы легонько тарабанят по коже. Кисти мужчины покрыты тонкими черными полосками, складывающимися в символы: стрелки, точки, круги. Никогда не любила татуированных мужчин, но это впечатляет даже меня. Смотрится, как украшение!

Он говорит несколько непонятных слов, но по его движениям ясно, он хочет, чтобы я встала.

Поднимаюсь с места, отмечая, что кареглазый уже уходит в сторону рощи, и нам, похоже, придется идти за ним.

— Даже не накормили, сволочи! — ругается Машка, глядя на запекающуюся на углях птицу.

Стоит оказаться в гуще деревьев, как все повторяется. Хруст под ногами, голоса пигмеев, оставшихся в своей деревне, вот только идем мы в другую от горы сторону. Явно не к источнику.

Слышу, как клацают мои зубы, а Маша то и дело сглатывает слюну. Голубоглазый же снова метает в меня недовольный взгляд, что пугает еще сильнее. Хотя, мне должно быть уже все равно. Разве может быть хуже?

Но когда оказываемся на краю высокой скалы, и брызги волн долетают до лица, понимаю, что может.

— Вот и все, Ариш. Похоже, наш конец и правда настал, — глядя на штормовое море равнодушно говорит она, а у меня мороз пробегает по коже.

Лучше уж сами, чем ждать толчка в спину.

Не сговариваясь наощупь находим руки друг друга и, переплетя пальцы, делаем еще один шаг.

5. С чужого плеча

— Туп! — на ухо раздается мужской крик, и вместо того, чтобы почувствовать падение вперед, меня с силой отбрасывает назад. Ударяюсь спиной, выплевывая воздух из легких, но постепенно прихожу в себя.

Изверг, что отправил Машку разделять птицу, держит ее за ворот, как щенка, а та сидит на заднице, растерянно вертя головой. Убедившись, что она не в состоянии ходить, он отпускает ее и окидывает меня таким взглядом, что даже темнота ночи не мешает рассмотреть бешенство в его глазах.

Шумно сглатываю, когда до меня доходит, что мой уже дважды спаситель все еще держит свои руки на моем животе. Крепко. И, кажется, отпускать не собирается.

Слышу его разъяренное дыхание над своей макушкой. Будто дракон огнедышащий, ей богу!

— Разве вы привели нас сюда не для того, чтобы убить? — съезжившись, пытаюсь выкрутиться из его цепких объятий, и он, резко отпускает, отойдя на пару шагов.

Брызги снова окатывают меня с ног до головы, и я обнимаю себя руками, чтобы согреться.

Смотрю на подругу, надеясь, что она выскажет хоть какое-то предположение о нашей дальнейшей участи, но та приняла вид отрешенный и туповатый. Прямо не узнаю ее.

От страха неизвестности, на глаза снова наворачиваются слезы. Что делать? Зачем они притащили нас сюда? И вместо ответа, голубоглазый хватается мою руку и, прижав боком к себе, заставляет идти рядом. Едва успеваю переставлять ноги. Он вон какой здоровый, шаги по метру! А мне приходится бежать.

— Есть предположения, куда нас ведут на этот раз? — догоняет меня Машка.

— Все наши предположения были неверны. Так что, остается набраться терпения, — иронизирую ей в ответ.

Через пару минут мы выходим из рощи под открытое небо, и мне позволяют остановиться. Перед нами большое круглое озеро, отражающее звезды, а справа от нас заводь, над которой виднеются клубы пара.

Спаситель ладонью показывает на это место, мол, вот куда вас вели, а вы, дуры, с обрыва сигануть собрались, и я улыбаюсь, надеясь, что это сойдет за извинение.

По раздраженным лицам мужчин, понимаю, что не прокатило, и, тяжело вздохнув, вприпрыжку бегу к воде. Наверное, смыть с себя грязь, запах дыма от костра, на котором нас чуть не поджарили, и следы прикосновений воняющих собаками пигмеев, будет не меньшим счастьем, чем вдруг оказаться в своей родной квартирке.

— Можно? — застываю у кромки воды и взглядом жду разрешения. Ну мало ли, может, опять мы все не так поняли.

— Мож-жно, — коверкает слово мой волшебник с голубыми глазами и первый сбрасывает с себя меха.

К нему присоединяется второй, и мы с Машкой, уронив челюсти, наблюдаем за тем, как перед нами обнажаются двое шикарных мужчин.

— Ты видела когда-нибудь такие задницы? — не моргая, Маша пялится на мужчин, входящих в воду, — там и спереди есть на что посмотреть!

А я молча давлюсь слюной, переваривая осознание того, сколько же всего я потеряла, будучи замужем за Лешкой. Он по сравнению с этими жеребцами задохлик какой-то. И да, я тоже успела увидеть то, на что приличной женщине обращать внимание не стоило бы. И эти вот «достоинства», наверное, запечатлелись в моей голове навечно.

Вода оказалась горячей, а еще немного пахла мхом, но это не мешало с удовольствием погрузиться в нее с головой. Моя кожа звенела от счастья, когда я неистово терла ее, пытаюсь смыть с себя грязь. Машка же просто лежала на воде, смотря в темное небо, но кажется, таким образом она снова пыталась привлечь внимание мужчин, потому что ее два силиконовых шара на месте груди уж больно приветливо колыхались над поверхностью.

— В первый раз такое вижу, чтобы мужики, имея в поле зрения обнаженных женщин, не воспользовались случаем, — разочарованно вздохнула и, опустившись на ноги, стала мыться.

Я ничего не ответила, только улыбнулась. Значит, я была права на счет ее попыток соблазнить наших спасителей.

— Может они геи? — не унималась она, бросая взгляды в сторону рассекающих воду мужчин. Плывая, они создавали такой красивый узор на водяной глади, что хотелось смотреть на это вечно.

— А может, они женаты, — предположила я, и отметила, что было бы жаль.

— Пффф! Я тебя умоляю. Кого это останавливало?

— Порядочных людей останавливало! — вспоминая предательство мужа, я почувствовала болезненный укол в груди, и в голову ударила кровь.

Ненавижу этого мерзавца! За вранье, за двойную жизнь, за то, что меня дурой делал! И себя ненавижу, за то, что доверяла, за то, что умных людей не слушала.

Настроение сразу же упало до нуля.

Пока мужчин не было рядом, я выбежала на берег за вещами. Надо их постирать, чтобы не одеваться в грязное. Лучше уж в мокром посижу, у костра быстро высохнет.

Зайдя по пояс, я принялась полоскать свою одежду, руками чувствуя, что она вся изорвана. Не факт, что я ее вообще смогу натянуть на себя, не дорвав окончательно. Но делать нечего, не голой же ходить!

Пока я пыталась натянуть на себя брюки, мужчины прошли к берегу. Они не смущаясь смотрели на мои попытки втиснуть себя в драную штанину, и почему-то в этот миг я почувствовала небывалой силы возбуждение. Может я извращенка, которой нравится, когда подглядывают? Или вода слишком горячая, что меня так развезло? Ох, надо бы скорее выбираться отсюда, только вот чертовы штаны трещат.

— Опять эти! — возмутилась Машка, бросая гневный взгляд на берег.

Трое мелких, которых было видно в ночи лишь благодаря белым зубам, что-то отдали нашим спасителям и тут же исчезли.

— Ма-ша, Ариэту! — позвали нас, голубоглазый положил сверток на камень и, отвернувшись, они стали одеваться.

— Одежду принесли! — рванула на берег Машка, и стала натягивать на себя рубашку.

Я замерла, оставаясь по щиколотку в воде, и смотрела на то, как ее тонкая фигурка облачается в чужую одежду. Думать о том, чья она, было страшно. Хозяев этих вещей давно не было в живых. А может, еще вчера они дышали, мечтая вернуться домой. Казалось, что если я надену на себя хоть что-то, принадлежавшее убитым, то последую за ними.

— На! — Машка бросила мне черную футболку, явно принадлежавшую парню. Я даже ловить ее не стала, боясь заразиться смертью.

— Я в своей, — тихо ответила ей, смотря себе под ноги, и вышла из воды, заливая камни стекающей водой.

— Эй! Мы готовы! Может, наконец, накормите дам ужином? — Машка похлопала мужчин по плечам, и те развернулись.

В их взгляде читалось возмущение выходкой Машки и непонимание, по отношению ко мне.

Второй глянул на кучку вещей, оставшихся лежать на камне, на меня, похожую на мокрую курицу, и быстро сдернув с себя куртку, подал ее мне.

— Ну джентельмен! — съязвила Машка, явно расстроенная тем, что ее не удостоили таким вниманием.

— Спасибо, — пролепетала я, принимая куртку, и мужчины снова повернулись спиной.

— Им явно по нраву невинные козочки... — отпустила еще одну колкость в мою сторону, но голубоглазый, будто поняв смысл ее слов, приложил пальцы к ее губам, заставляя замолчать.

С одной стороны, приятно, а с другой, как бы не пришлось платить за их заботу.

6. Кража

Когда мы вернулись к костру, площадь окутывал аромат запеченной птицы. Рот мгновенно наполнился слюной, и стоило немалых усилий, не наброситься на еду.

Мужчины быстро развернули подобие фольги и разделили птицу ровно на четыре части. Я удивилась тому, что себе они не взяли больше, но благодарно кивнула и вонзила зубы в сочную мякоть.

Несколько раз я прикусывала язык, давилась слюной, но не могла остановиться. И, если честно, съела бы еще столько же.

Прикрыв глаза от удовольствия, я откусила последний кусочек, и с сожалением бросила кость в огонь, как это делали мужчины.

Пламя вспыхнуло, но тут же успокоилось, и кареглазый приблизился к костру. Длинной палкой, он подцепил что-то из самого центра, и под ноги выкатилась небольшая канистра.

Достав из заднего кармана какую-то штуковину, он сломал ее надвое, и оттуда прыснула голубая жижа. Канистра тут же покрылась льдом и лопнула, являя нам свое содержимое.

Он отломил кусочек твердой, почти черной смеси и положил его в рот. Голубоглазый сделал то же самое, и потом угощение предложили нам с Машкой.

— Пахнет ириской! — удивилась она.

— А на вкус как шоколад!

Мы с удовольствием ели сладость, тающую на языке, делясь впечатлениями, а мужчины долго с интересом за нами наблюдали. Мне не было неуютно под их взглядами, но все же хотелось заглянуть к ним в душу и понять, о чем они думают, глядя на нас.

Свист, с которым мужчины уже подзывали пигмеев, насторожил. Между лопаток пробежался холодок, и мы с Машкой замерли. Возникло ощущение, что ужин подошел к концу и нам предстоит новый этап, и, каким он будет для нас, решат именно мужчины. То, как они доброжелательно поступали с нами, подкупало, но и испытывать ужас перед неизвестностью не мешало.

Я внимательно следила за тем, как мелкий с дредами, заплетенными в узлы, перебирая своими коротенькими ножками с белыми пятками, бежал в сторону самой большой хижины. Будто знала, что его зачем-то послали, только не могла понять зачем. А когда он вытащил здоровенную коробку, похожую на советский телевизор, в очередной раз убедилась, что этот мир мне ни хрена не понятен!

Эту штуковину тащили пятеро мужчин. Волоча ее по земле, они оставили ее рядом с нами и мигом испарились.

— У них тут тоже по вечерам сериальчики турецкие? — хихикнула Машка и продолжила набивать рот лакомством.

Я же наблюдала, как из ящика, напоминающего телевизор, возникает целая научная лаборатория: с проводами, датчиками, черно-белым экраном и какими-то присосками.

Взяв синий провод, голубоглазый надел на конец металлический напальчник и протянул его мне. Я взяла, хоть и страшно волновалась, что со мной будет, если я надену это на себя. Но его мягкий взгляд, терпеливое ожидание моего решения, убеждали, что все будет хорошо.

Мне помогли облачиться в перчатки из проводов, присоединили к голове еще пару датчиков и запустили машину.

Приятное покалывание внутри черепа быстро сменилось головокружением, но уже через несколько секунд я вернулась к обычному состоянию.

— Добро пожаловать на Зенду! — голубоглазый сложил ладони у груди и улыбнулся, — представляюсь еще раз. Меня зовут Ашшур.

Хлопаю ресницами, не веря своим ушам. Я понимаю их?

— Неожиданная, но приятная встреча с тобой, Ариату. Меня зовут Эришшур, — повторяет жест второй. — Ретранслятор старый, но пока этого будет достаточно, чтобы ты поняла. Нас не нужно бояться.

— Мы не давали повода для этого, Ариату.

— Что происходит? — трясет меня за руку Машка, а я и слова сказать не могу, настолько впечатлена!

Когда Ашшур надел на себя оставшиеся датчики мы, наконец, смогли поговорить на их языке. Поговорить, конечно, громко сказано, но это лучше, чем вслушиваться в незнакомые звуки и теряться в догадках. Доверять своей интуиции сейчас казалось безумством. С самой первой минуты нашего знакомства я знала, что пока мы не делаем глупостей, рядом с ними безопасно. Даже казалось, что я мысли их читаю, а они мои. Но полагаться на свою интуицию, после того, как она завела меня в ловушку профессора, я бы больше не стала.

— Откуда вы?

Услышав вопрос, мы с Машкой переглянулись. Очевидно, что эти люди захотят узнать, как иномирянки попали на их планету. И тут было важно не ляпнуть лишнего.

— Мы с Земли. Слышали о такой планете?

Лица мужчин ничуть не изменились, но я почему-то предположила, о чем они и сами уже догадались. Кажется, не одни мы решили кое-что скрыть.

— Да, — помедлив, ответил Эриш, — у нас общий предок. Но Земля слишком далеко.

— Даже не представляю, на сколько...

— И как вы сюда попали, тоже не представляете?

Тон Ашшура не был грубым или хитрым, но я понимала, что он рано или поздно добьется от меня правды.

Они внимательно слушали наш рассказ о незапланированном путешествии, но ощущение недоговоренности беспокоило меня все сильнее. Нутром я чувствовала, что мужчины уверены в том, что я не договариваю. Будто они могли считывать меня так же, как я их. Но я старалась прекратить пытаться себя предположениями, снова ссылаясь на неработающую интуицию.

— А кто вы?

— Мы стражи, — ответил голубоглазый, — патрулируем этот район.

Ох, не похожи они на стражей! Совсем не похожи. Но, видимо, нам тоже не нужно знать больше.

— Почему местное племя поклоняется вам? — все еще надеюсь сбить мужчин с толку.

— Благодарность. Мы привозим им медикаменты и еду.

Мы улыбнулись друг другу, и в этот момент я окончательно поняла, что меня принимают за шпионку. Или диверсанта. Или бог его знает кого еще. Но мою недосказанность они чувствуют не хуже, чем я их ложь. А это значит, никаких доверительных отношений. И уж точно просить их проводить нас к источнику мы не будем.

Машка, за все это время не издавая ни звука, широко зевнула, и я решила воспользоваться моментом.

— Мы очень устали. Можно нам уйти спать?

— Конечно. Скай достаточно велик и вместит нас всех.

— Нет! — тут Машка повела себя неожиданно. Вцепилась в мою руку и сжалась вся. — Скажи им, что мы будем спать на берегу. У меня там палатка.

Стражи, что удивительно, не стали возражать и проводили нас к берегу.

— Бага-бага можете не бояться. Они не покидают пределов рощи.

— Это я уже знаю, — пробубнила под нос Машка, ныряя в свою крошечную палатку. А меня остановил Эриш. Коснувшись плеча, он аккуратно развернул меня к себе. Наши взгляды на несколько секунд прилипли друг к другу, и я почувствовала сильное волнение. Кровь прилила к щекам, от ветра сбилось дыхание. Не нужны слова, чтобы понять, что я нравлюсь ему, что он хотел бы, чтобы я осталась с ним этой ночью.

Смесь возбуждения и адреналина от возможной опасности вскружила голову, и пойдя он дальше, возможно, я не стала бы останавливать его. Но Эриш отпустил.

— До утренней встречи, Арияду, — шепнул, стоящий поодаль Ашшур, и бросив на меня долгий взгляд, мужчины ушли в темноту.

— Они клеили тебя! — резюмировала Машка, укладываясь в спальник.

Я сорвала с себя датчики и бросила их в угол палатки. Она думает, я дура, и сама не понимаю? Но мне острых ощущений хватает и без сексуальной связи с этими красавцами.

— Как думаешь, мелкие пропустят нас к источнику? — она легла на бок и подперла голову рукой.

— Уверена, что источник теперь будут охранять стражи. Они не поверили нам, Маш.

— С чего ты взяла? Мне кажется, мы отлично отыграли.

— Тебе кажется, Маш. Не знаю как, но я чувствую их сомнения.

Закутавшись в куртку Эришшура, я сунула ноги в спальник, а под голову положила свой рюкзак.

— Значит, надо поступить по-другому. Ты идешь к ним. Отвлекаешь их увлекательным занятием для взрослых, а я тем временем пробираюсь к источнику.

— Щас. Уже бегу! — отворачиваюсь от этой сумасшедшей. Теперь понятно, чего она так торопилась в палатку. Меня хотела сбавить этим двоим.

— Ты знаешь, я бы их взяла на себя, но на меня эти бестолочи не реагируют.

— Нет, Маш! — рявкаю на девушку, чтоб отстала.

— Ну и дура! — психует она и накрывается с головой.

А вот и не дура. Пока я буду этих двоих ублажать, Машка добудет воду и свалит отсюда. Вон, до открытия портала всего пара часов. Стоп! Пара часов?

Профессор сказал, что телепорт запускается каждые сто часов. Но я только утром сюда попала. А это значит, что на наших планетах время идет по-разному?

Нет, в теории, я понимала, что это возможно, но чтобы столкнуться с подобным на практике... Да... сегодня жизнь решила меня удивить по полной.

Раз за разом прокручивая в памяти события сегодняшнего дня, я все же уснула. Да так глубоко, что даже не обратила внимания на то, что Машка меня трогает и пытается подвинуть. Разрешив себе думать о том, что она просто замерзла и подползла поближе, я продолжила спать. Но совсем скоро протяжный трубный вой заставил подскочить меня на месте.

Мне показалось, что я снова в кабинете профессора, и снова он запускает эту ужасную черную штуковину, но быстро осмотревшись, поняла, что нахожусь в палатке. А Машки рядом нет.

Дернув замочек, я на четвереньках выползла наружу и так и застыла. У кромки воды зияла огромная голубая дыра, засасывая в себя песок...и Машку, стоящую рядом. В ее руках был крошечный флакон со светящейся жидкостью, и это означало, что она сумела раздобыть воду.

Я смотрела на то, как ее тело медленно растворяется в бесконечном пространстве, и сжимала в пальцах песок, чувствуя обиду, боль и зависть. Не будь я такой нерешительной, я бы тоже телепортировалась обратно на Землю, но я захотела спать. Дура. Дура!

Утерев слезы рукой, я села на песок, подтянув колени, и стала наблюдать за тем, как голубое свечение сворачивается в точку, чтобы совсем скоро исчезнуть. И когда оно достигло размера вишни, грянул гром и затряслась земля. Воронка снова вспыхнула ярким светом, и Машку выбросило обратно.

Падая, я рванула к ней, но увидела лишь тлеющее тело девушки. И уже через пару секунд о ней напоминала лишь кучка пепла, уносимого ветром в море.

— Она погибла, — раздалось из-за плеча, и сердце остановилось. — А ты жива, и мы дадим тебе шанс оправдать себя.

Страх сковал мышцы, и даже вдохнуть не получалось.

Мои опасения подтвердились. За нами следили. Нам не поверили. И теперь мне нужно будет очень постараться, чтобы спасители не превратились в карателей.

— Расскажи нам, как смогла попасть сюда, красавица. И мы обещаем подумать над тем, чтобы смягчить твоё наказание, — Ашшур смотрит так, что на моей коже появляется россыпь мурашек.

— Твоя задача, чтобы мы поверили тебе, землянка, иначе...— от дыхания второго становится жарко.

— Я не знаю...— сжимаюсь в комочек, от того, как тело реагирует на этих мужчин.

— Тогда нам придется подвергнуть тебя пыткам, малышка. Иди-ка сюда, — тянет меня за руку, и я не успеваю опомниться, как его губы накрывают мои.

— Мучительно-сладким и долгим пыткам, Арияту, — горячие ладони касаются моих бедер, и по телу растекается разряд.

— Я правда ничего не знаю, — задыхаясь от поцелуя и внезапно нахлынувшего возбуждения, шепчу я.

— Что ж, мы предупреждали.

7. Чары

Мужские торсы обжигают мое обнаженное тело с двух сторон. Четыре ладони медленно скользят по коже, очерчивая линию плеч, шею, проходятся по позвоночнику и ласкают грудь, не задевая сосков.

Меня покачивает на слабых ногах, тело наливает

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.